

МАРК III, КАЛЬКУЛЯТОР

Бурлит и пепится интеллектуальная жизнь Соединенных Штатов Америки. Услужливо грамотей заняты по горло — едва успевают. Диапазон самый огромный. Конечно, такую сенсацию, как сообщение о взрыве на Марсе, что знаменует собою начало межпланетного шпионажа марсман, придумать нетрудно; однако нужны сенсации побойчее и, главное, в более серьезной упаковке, рассчитанные на солидных людей. Что из того, что десятки коммюнист выслушивают бормотанье 104-летней индианки, которая должна сообщить современникам изустные предания о некоем Джюнишере Серра, жившем в Калифорнии в начале позапрошлого века? Пусть этот тип действительно жил в каком-то там веке, и пусть 30.000 страниц свидетельских показаний, увезенных в Ватикан, неопровержимо доказывают, что он был святой, — что из этого? Подобные вещи лишены фундаментальности, это кратковременные сенсации, они не могут пленить воображенно серьезных людей и вызвать у них деловую активность. Серьезным людям следует предлагать прежде всего науку. Конечно, в итоге «наука» должна быть такой, чтобы она вела к цинтизму, однако, не прямым путем, но так, чтобы люди не замечали, как их оболваняют. Неплохо поэтому науку соединять с информацией.

Американские деловые круги любят информацию, как американские больные любят патентованные пилюли. Оригинальная упаковка лекарств и авторитетность статистических таблиц обещают исцеление — одним от подагры и запора, другим — от нависающего кризиса. Какой-то философ сказал: «Дайте мне все причины, и я укажу вам все следствия». Поэтому — как можно больше сведений! Как можно больше цифр, диаграмм, кривых, индексов, коэффициентов! Пусть они поступают каждый день, каждый час, а если можно, то и чаще.

Множество талантливых и умных людей, не имеющих за душой ничего, кроме знаний и хороших мозгов, продают и то и другое всевозможным агентствам, институтам, заведениям и неустанно трудятся над составлением неисчислимого количества чисел согласно несусветному количеству рубрик. Они должны не только собирать сведения, но и классифицировать их, не только получать цифры, но и обрабатывать их. Волшебная мечта о мозговом тресте, о высококолом советчике, который все знает и все может предусмотреть!

Однако никакой мозг не может вместить всех индексов, всех рубрик, всех возможных классификаций. И вот на свет рождаются машины, назначение которых состоит в том, что они должны мыслить лучше, чем люди.

Когда-то Форд установил у себя на заводе счетный цех. Это было учреждение, не претендующее ни на что, кроме точности до одного цента: автоматический бухгалтер, отвечающий в любой момент на любой вопрос о приходах и расходах. Тогда это выглядело новинкой, но, по существу, было примитивным усовершенствованием.

Теперь перед автоматикой ставятся задачи гораздо более сложные.

— Дайте мне все причины, и я укажу вам все следствия!

Профессор Айкен, заведующий Гарвардской лабораторией счетных приборов, именно так и понимает будущее своих механизмов. «Экономическое благополучие США, — утверждает он, — зависит от взаимосвязи и взаимодействия тридцати восьми отраслей промышленности. Однако это взаимодействие происходит такими сложными путями, что в настоящее время экономисты могут лишь строить догадки о том, что произойдет через несколько месяцев — «бум» или «депрессия». Вот тут, согласно профессору, и вступают в действие машины. Они должны обладать способностью производить молниеносно и через короткие промежутки времени нечто вроде анализа экономического положения Соединенных Штатов.

«После тщательного учета и обработки данных о производстве, платежных ведомостей, сведений о займах и т. д. эти механизмы, наделенные разумом, должны быть способны предсказывать ненастье или хорошую погоду в области экономики...», — читаем мы на страницах американского журнала «Тайм» *.

Какая сладостная мечта! Волшебная машина предсказывает будущее... Она ничего не ест, кроме цифр. Она складывает их, вычитает, классифицирует и комментирует. Она ни о чем не думает, кроме запросов своих хозяев, она полностью лишена всяких «опасных мыслей». Если она принадлежит фирме, то ее никто не может подкупить, переманить... Ее можно запирают на ночь — ведь она не человек! Она — не человек, что же может быть прекраснее для капиталиста.

И потому она трогает предпринимательские сердца и исторгает из них экстракт умиленья.

«Это — не безымянная дельфийская жрица, бормочущая сквозь зубы свои предсказания», — брызжут восторгом журналисты из «Тайм». Нет! «Ее зовут Бесси. ...К тому же она — не самая талантливая в своей семье». Один из ее потомков живет этажом ниже Бесси, этой механической Евы. Его зовут, как зовут королей и миллиардеров — по имени и номеру: Марк Третий!

«Вокруг него клубится густой туман математики, — изнемогает репортер, подбирая наиболее ошеломляющие сравнения и эпитеты, — нечто вроде слезоточивого газа, который действует на интеллект и вызывает неприятные ощущения у нематематиков...»

Бедный репортер уже рыдает от тумана, который сам напустил отчасти по своей безграмотности, отчасти по требованию своих хозяев, ибо сообщать, как устроен «Марк Третий» или хотя бы что именно он может делать, хозяева не позволяют.

Есть такой новогодний рассказ о том, как промотавшийся лорд идет в Темзу топиться. Он встречает нищего, и тот предлагает ему газету. Лорд с трудом находит в своем кармане завалявшуюся монету: золотой, последний в его жизни. Он отдает

его нищему и берет газету. Наслаждаясь своим благородным поступком, лорд садится на скамейку и разворачивает «Таймс». И это, оказывается, «Таймс» послезавтрашнего числа. В нем — отчет о тотализаторе и перечень всех лошадей, которые завтра должны прийти первыми. Назавтра лорд играет безошибочно, снимает всю кассу тотализатора и восстанавливает свое богатство...

Именно такой номер «Таймс» послезавтрашнего числа и должна, по мнению профессора Айкена, регулярно публиковать машина «Марк Третий»!

Вот почему на обложке американского журнала «Тайм» изображен портрет «Марка Третьего», конечно, не фотографический, а фантастический. Журнал сей имеет традицию помещать на обложке портрет «героя недели». «Марк Третий» и явился таким «героем». Но в этом портрете есть особенность, к которой стоит приглядеться. Впрочем, предварительно несколько слов о профессоре Винере.

Мы не знаем о нем никаких подробностей, за исключением того, что он уже стар, хотя и бодр, очень тучен и курит сигары. Некоторые журналисты высказывают предположение, что Норберт Винер — любитель сенсаций, а следовательно, и преувеличений. Между тем в действительности Норберт Винер, вероятно, воплощает в себе то несчастье, какое часто постигает интеллектуальных работников в буржуазном обществе. О специалистах в капиталистическом мире правильно говорят, что они очень узкие люди. Однако, узость только первая стадия искалечения. Она не переходит во вторую у мужественных и широко мыслящих людей. У остальных обычно наступает вторая стадия искалечения, состоящая в том, что узость приобретает агрессивный характер. Она начинает разрастаться, она распространяется на все большие и большие области: нечто вроде интеллектуального рака. Специалист по половым неврозам считает, что весь мир подвержен половым неврозам: литература, музыка, даже промышленность и транспорт. Специалист по счетным машинам принимает доказывать, что именно эти машины и определяют собою всю дальнейшую историю человечества. Винер утверждает, что появление «мыслящих машин» представляет собою вторую промышленную революцию. По его мнению, первая промышленная революция обесценила человеческую руку; теперь,

* Все встречающиеся в дальнейшем цитаты с необозначенными источниками взяты из журнала «Тайм» (номер от 23 января 1950 года, значительная часть которого посвящена проблеме «мыслящих машин»).

утверждает Винер, рождение «мыслительных механизмов» неминуемо должно обесценить человеческий мозг. На смену этому отживающему человеческому мозгу приходит мозг механический, «во много раз более быстрый и более точный».

Мыслят ли новые машины? — спрашивают Винера и его единомышленники. И они отвечают: да, несомненно. «Ибо что есть мышление? Это есть оценка фактов настоящего в свете опыта, накопленного в прошлом». Но если «Марк Третий» воспринимает цифры, то ведь это и есть восприятие фактов. И если он сопоставляет эти цифры с данными, которые хранятся в его механической памяти, то что же это, как не оценка в свете накопленного опыта? Значит, что такое человеческий мозг? Человеческий мозг напоминает... счетную машину!

Профессор Джибсон из университета Джона Гопкинса дошел уже до такой стадии искалечения, что считает возможным утверждать на страницах французского журнала «Имаж дю монд», будто «в сравнении с этими механизмами человек представляет собой вялое, медлительное и умственно отсталое существо».

Автор, вероятно, слишком хорошо узнавший пену быстротечным французским правительствам, пишет с явным удовлетворением:

«Ничто не может помешать этим роботам в один прекрасный день заменить собою членов правительства в совете министров, причем их стальные и стеклянные колесики будут совершенно безошибочно и с безупречной логикой разрешать тысячи проблем, приводящих в смятение нашего министра финансов...», — говорится в том же номере «Имаж дю монд».

Слава о «Марке Третьем» и его родственниках распространяется и по Западной Европе, где информация находится, как известно, под полным контролем американских агентств. Маршаллизованные журналисты тоже связывают с мыслительными машинами свои надежды.

Так мечтают на берегах Сены, тайно рассчитывая, должно быть, что стеклянные колесики будут обладать не только «безупречной логикой», но и безупречной честностью, и делая вид, что никого не беспокоит, кто именно будет пускать эти колесики в ход!

Одни ждут от машин предсказаний, на какой номер надо ставить в завтрашней биржевой игре.

Другие, изверившись в способностях и добросовестности своих руководителей, хотели бы заменить их машинами, не умеющими брать взятки и продаваться иностранцам.

Третьи в порыве фантазии предвидят ту вседелательную возможность, когда роботы заменят «капризных» и «опасных» пролетариев и американским пароходам не надо будет таскаться от Кале до Марселя, ища порт, где можно было бы без неприятностей разгрузить несколько тысяч тонн гранат и несколько сот пулеметов...

Четвертые... Тут дело несколько сложнее.

Это как раз те самые, кто конструирует счетные машины, кто производит при их помощи вычисления, — инженеры, профессора, словом — интеллектуалы. Если они вступают во вторую стадию своей патологической узости, т. е. принимают фантазировать, философствовать и пророчествовать, подчиняя весь мир своей специальности и видя в своих творениях основу будущего для человечества, то эти фантазии и обобщения носят мрачный, а зачастую и панический характер.

Казалось бы, что может быть увлекательнее тех перспектив, какие открываются перед работниками науки и техники в связи с изобретением счетных и прочих «мыслящих» машин! Они должны освободить человека от «черной» умственной работы, — от всяких классификаций, подсчетов, сложных и длительных вычислений и т. д. Но во всех статьях, посвященных счетным машинам, — от рекламных и сенсационных до чисто научных и научно-технических, — никто из авторов не пишет об этих интересных перспективах! Наоборот.

Доктор Уоррен Мак-Келлох, профессор Иллинойского университета, утверждает, что «со времен кроманьонского человека (20.000 лет назад) объем человеческого мозга непрерывно уменьшается», а «по мере усложнения структуры общества отдельным людям приходится все меньше и меньше пользоваться своим мозгом». Поэтому счетные машины, освободив человека от «бремени мышления», окажутся последним звеном в длинном и медленном процессе «коллективизации интеллекта». «Люди будут специализироваться в узкой области простого обслуживания машин. Человеческий мозг будет становиться все

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 3 СТР.

меньше и меньше, тогда как мозг машины будет все время увеличиваться. Наступит ли, наконец, такой период, когда машины будут править людьми?»

Вот она, «светлая и возвышенная научная мечта» о будущем человечества, как она представляется ученым, продавшимся капитализму.

Теперь мы можем вернуться к портрету «Марка Третьего» на обложке журнала «Тайм». Он изображен в голубых тонах будущего и имеет вид большого радиоприемника, из стенок которого выходят две руки. Они держат тонкую бумажную ленту со свеженанпечатанными на ней формулами. Но «Марк Третий» не только снабжен руками, он еще и одет. Руки облачены в рукава, на верхней крышке приемника — фуражка. Шитье на обшлагах и над козырьком не оставляет никаких сомнений: это форма военного ведомства США. Сразу становится ясно, у кого на службе состоит очередной «герой недели», сенсационная машина, как, впрочем, и вся наука и техника Америки!

Министерство обороны США очень заинтересовано одной проблемой, которая, по видимому, приобретает для него сейчас особенно важное значение: речь идет «о потере солдатами психологической защиты во время боя».

В переводе на обычный житейский язык это означает простое нежелание солдат воевать. Врачи-психиатры, которым приказано разобраться в этом весьма опасном для поджигателей войны явлении, донесли по начальству, как сообщает американский «Бюллетень медицинской службы армии», примерно следующее.

«При прослеживании прогрессивных стадий этой травмы, — пишут врачи, — было установлено, что первым из защитных чувств исчезает идеализм, а вслед за ним — ненависть к врагу».

Под словом «идеализм», как явствует из всего текста, исследователи понимают идейные побуждения к участию в боевых действиях. Нельзя сказать, чтобы исследователи поразовали своих начальников подобным заключением о моральной стойкости американских солдат! Если в трудностях и опасностях боевой обстановки первое, что у них пропадает, это — идейное побуждение к борьбе, то чего же вообще стоит это побуждение?! И насколько оно близко уму и сердцу солдата?!

Но исследователи идут дальше. Как бы предвидя естественный для начальства вопрос, они торопятся дать последующие разъяснения.

Посредством обмана о якобы идущей помощи удается на короткое время восстановить моральное состояние, — предупредительно сообщают интеллектуалы; но тут же, соблюдая требования научности, оказываются вынужденными и дальше огорчать начальство: «Однако, когда обман раскрывается, — пишут они со вздохом, — наступает быстрое ухудшение морального состояния...»

Вот какие неприятности приходится встречать на своем пути поджигателям войны! Идейная вооруженность армии, моральное состояние солдат могут резко ухудшиться после первых выстрелов! Конечно, можно прибегнуть к обману, можно, например, уверять, что война будет длиться всего лишь несколько недель. Однако этот опыт уже при Гитлере потерпел полный провал.

Нало придумать другую ложь. И она создается. Не сразу, конечно, но постепенно, разными устами, в разных местах. Эта ложь — великий блеф о новой технике. О таких якобы механизмах, химизмах и микроорганизмах, решающее участие которых в войне сделает ее удобной, спокойной, комфортабельной и совершенно безопасной для американцев. «Мальчишкам» придется только сидеть в пневматических креслах и нажимать кнопки. Потягивая фруктовый сок, «мальчишки» будут сидеть стирать с лица земли города и армии. Вот почему всякая мысль о том, что другие страны могут иметь такую же, если не более могучую технику, является крайне опасной и страшной для поджигателей войны. Эта мысль разрушает обман, который так старательно воздвигают они для подъема морального состояния солдат, подрыывает и сводит на-нет весь «идеализм» солдатской массы. Если на каждую атомную бомбу у противника будет тоже атомная бомба, — а, может быть, и кое-что другое! — то, значит, миф о «сидячей войне» будет развенчан еще быстрее, чем был развеян миф о войне молниеносной. Не спас «блиц-криг», не спасет и «зипп-криг»!

В этой связи, как сообщает агентство Рейтер из Оттавы, и выступил некий доктор Солацт, дополняя и конкретизируя фантазии о «зипп-криге» материалами о «мыслящих» машинах.

«В будущей войне,— успокаивает доктор,— роботы заменят пехотинцев так же, как танк заменил коня в первой мировой войне». (Как это напоминает профессора Винера с его «теорией», будто создание счетных машин обесценивает человеческий мозг, как создание обычных машин обесценило человеческую руку,— тут столько же логики и столько же глупости).

Вот как мечтательный доктор рисует идиллическую картину ближайшего будущего: «Стрелять из орудий, управлять кораблями, летать на самолетах, посылать донесения и принимать приказы по радио будет вместо солдат «рядовой робот» с искусственным слухом, зрением, органами обоняния, осязания и искусственной способностью принимать решения...»

«Ученые уже знают, как делать таких искусственных людей, и дело лишь за инженерами, которые должны построить их... Такие солдаты будут оставаться хладнокровными и сосредоточенными под тяжелым артиллерийским обстрелом...» — окончательно размахнувшись, грезит доктор Солант, а вместе с ним его хозяева из Пентагона и все легковверные американские «мальчишки» призывного возраста.

И тут совершенно неожиданно и вовсе несогласованно вновь возникает голос профессора Винера. Окутанный густым дымом сигары и облаком слезоточивого газа математики, профессор ехидно бросает несколько намеков, вызывающих дрожь у приемников Форрестола.

«В широком «биологическом» смысле мыслящие машины дают ряд оснований для нервозности и беспокойства». Характерные психические расстройства требуют и специальных методов лечения, утверждает профессор Винер.

— Чьи расстройства? Для чьего лечения? — негодуящие спрашивают господа в фуражках военного ведомства.

— Например, ложные воспоминания. — продолжает профессор, подмигивая и прищипывая. — Они распространяются точно таким же образом, как страхи и навязчивые мысли в сознании психически больного человека...

— Кем овладевают ложные воспоминания? — допытываются форменные фуражки.

— Мыслящей машиной-с. — шепчет профессор, сам улыбаясь собственной смелости. — Искусственный мозг уже должен обращаться за помощью к психиатру. «Машины очеловечились. У них появились

свои капризы, страсти и неприятные недостатки». Чего доброго, даже и опасные мысли...

— Моя машина тоже имеет свои странности и привычки, — поддерживает Винера инженер Роберт Сибер, — например, она «очень не любит просыпаться по утрам. Люди, обслуживающие машину, пускают ток, трубки загораются и достигают нужной степени нагрева, и тем не менее машина все еще не может проснуться. Остывшая от сна, она не в состоянии решить поставленную перед нею задачу. Вспыхивают красные лампочки, сигнализируя о том, что машина совершила ошибку. Терпеливые люди снова повторяют задачу. На этот раз мысли машины несколько проясняются».

— Одна из манхэттенских автоматических телефонных станций заболела от усталости, — вступает в разговор доктор Шэннон из лаборатории «Белл». — Толпы инженеров не могли обнаружить никаких органических повреждений. Она же просто переутомилась, ей дали отдых и...

Предоставим американцам самим разбираться, кто должен воспользоваться помощью невропатологов и психиатров, — «Марк Третий», профессор Винер, последователи Форрестола или же легковверные читатели, готовые пришить за чистую монету все то вранье, каким их угощает ежедневная пресса. Для нас в этом процессе важно другое: мы ясно видим в нем те гигантские масштабы, в каких ведется сейчас в США кампания по массовому оболваниванию простых людей.

Как можно больше дезинформации, как можно больше ложных данных, псевдонаучного вздора, шпютовских сенсаций, одна страшнее и веленее другой! Оболванить одних, напугать других, развратить третьих — таков единственный «научный» способ подготовки пушечного мяса.

Но беда поджигателей новой войны в том и состоит, что все большее число людей начинает понимать политическую природу этого вздора, тайный смысл «научных» бредней, наполняющих печать Америки, гнусные назначения деятельности тех шарлатанов и мракобесов, которыми капиталисты подменяют сейчас настоящих ученых.

Что касается поллиной науки, то она, разумеется, существует, ее представители живут, работают, мыслят и все более обращаются к единственно правильному для мастеров культуры пути — к борьбе за мир!